Гарри провел большую часть дня в библиотеке, с упоением изучая свои новые сокровища. "Великий труд" Нентрея, верный обещанию, теперь мог мгновенно перелистывать страницы к нужной теме. Или даже отмечать их временным маркером, если их было несколько. Невероятное удобство, ведь иначе поиск нужного места в этом громоздком фолианте мог занять часы, а то и дни. Но большую часть времени Гарри был поглощен чтением своей новой книги о забытых мастерах Заклинаний. Книга оказалась даже лучше, чем он предполагал: она не только рассказывала о давно утерянных авторах и их достижениях, но и пыталась воссоздать некоторые из забытых исследований, перечисляя все соответствующие книги, которые могли бы помочь расшифровать эти древние тайны, или, быть может, использовались самими древними волшебниками. С волнением Гарри пролистал главу о Нентрее и с радостью обнаружил, что автору удалось воссоздать немало экспериментов и заклинаний, считавшихся утерянными. Как же профессору Мандусу, автору книги, удалось это сделать, если он сам утверждал, что работы Нентрея исчезли? Гарри не знал. Внезапный приступ подозрительности заставил его поискать Мандуса и его жену на семейном гобелене Блэков, но, к облегчению, их там не оказалось. Он не смел думать о цене, которую его дед, несомненно, заплатил за этот гениальный труд, но, по правде говоря, он не мог представить себе лучшего применения этим деньгам. Убедившись, что Мандус не самозванец, Гарри настоял, чтобы Крэнки наложил защитные чары на каждую страницу книги и на обложку. Эльф с радостью выполнил просьбу, посоветовав Гарри потратить время на ответы на поздравительные открытки, так как он категорически не желал терпеть сов в библиотеке. Позже потребовался сам Крэнки, чтобы отвести Гарри на ужин, потому что Минни, в слезах, вернулась на кухню, чтобы сообщить, что не может привлечь его внимание. Гарри был в прекрасном настроении, и Арктур тоже явно был рад. Еда была просто сказочной, и в кои-то веки даже Крэнки принял их комплименты без лишних комментариев. Как только тарелки были убраны, Блэки удалились в гостиную. И хотя сегодня они не будут заниматься своими обычными делами, им все равно было что обсудить. После того, как Гарри с восторгом рассказал Арктуру о гении Мандуса и даже поделился своими подозрениями, старик понимающе рассмеялся. — Я знаю этого человека, Гарри. Иначе я бы не заплатил за твой фолиант. Этот человек был фанатиком во всех смыслах этого слова. Насколько я мог судить, он собирал клочки пергамента и платил баснословные суммы даже за обрывки школьных работ своих учеников. Впрочем, его семья не была в восторге, так как он тратил большую часть семейного состояния на свои личные исследования. Но надо сказать, что он действительно многого добился. Однако, как это часто бывает с такими целеустремленными людьми, у него была довольно своеобразная личность, и, словно в честь своей профессии, он сделал всего пять копий своих исследований. Одну для своей семьи, две на продажу и две для личного пользования. Одна из них теперь потеряна, а ты только что заполучил другую. Семья Мандуса уже практически исчезла, и я ничего не знаю об остальных копиях. Ты также должен заметить, что Мандус, в своем причудливом чувстве юмора, не только зачаровал свои работы, чтобы сделать их незачарованными, но и поместил определенные руны в шрифт так, что их даже невозможно переписать вручную. Они действительно уникальны. Гарри улыбнулся, ничуть не смутившись. Каким-то образом он мог понять автора. Если чем-то действительно дорожить, то это не должно быть массовым производством. — Знаешь, Гарри, мне любопытно. Ты знаешь дома в Хогвартсе. Есть ли у тебя какие-то предпочтения или антипатии? Пожалуйста, побалуй старика. Гарри слегка смущенно хихикнул. Арктур заговорил о "старике" лишь как об игривой колкости, напоминании о том, что Гарри начинал злословить в хорошем юморе и легкой беседе. — Если честно, дедушка, я как-то не могу отделаться от ощущения, что люди придают слишком большое значение всему этому вопросу о домах. Конечно, в этом есть доля правды, но, с другой стороны, люди, кажется, думают, что, получив Распределение, ты уже никогда не сможешь измениться. Нелепые предрассудки, которые выросли вокруг домов, не способствуют делу. — Действительно, Гарри, я с тобой согласен. Но вопрос остается открытым, ведь процедура вряд ли изменится до следующего месяца, так что тебе, возможно, придется терпеть унижение от сортировки шесть,

а может, и семь лет подряд. — Ну, — осторожно ответил Гарри, — я думаю, что мог бы счастливо жить с тремя вариантами и быть безмерно разочарованным с другим. — Я полагаю, тогда ты не хотел бы оказаться в Слизерине, не так ли, Гарри? — Что? Нет! На самом деле, я думаю, что предпочел бы, чтобы меня отсортировали туда. Я думал об этом, дедушка, и пришел к выводу, что меня подвергнут остракизму независимо от того, куда меня отсортируют. Возможно, злость будет самой горькой, если я окажусь в Слизерине, но если я когда-нибудь планирую преодолеть эти предрассудки, думаю, победа там будет самой сладкой. Что касается других домов, то, кажется, нет ничего плохого ни в Гриффиндоре, ни в Пуффендуе. Только Когтевран кажется мне никчемным. Знания ради него самого, кажется, просто немного не хватает. Просвещение - это неплохо, но у меня слишком много насущных проблем, чтобы сидеть на горе мудрости и довольствоваться собственной сообразительностью. Кроме того, я сомневаюсь, что найдется много желающих присоединиться ко мне в Когтевране, если они почувствуют, что их академические достижения могут пострадать в результате. Арктур внимательно слушал, ведь его внук редко когда случайно раскрывал большую часть своих мыслей. В конце концов он грустно улыбнулся и попытался предложить Гарри пару мудрых слов. — Это самый похвальный образ действий, Гарри. Но ты ведь помнишь, что это не только твоя ноша? Есть и другие, кому придется нести на себе предрассудки, которые общество посчитало нужным возложить на нас. Я не хочу тебя пугать — правда, но ты должен знать, что даже в Слизерине могут найтись те, кто не изменит своего отношения даже к черному. Для некоторых кровь — это все. И хотя они могут ненавидеть тебя по своим собственным причинам, я боюсь, что другие за пределами вашей общей комнаты не увидят ничего, кроме молодого отпрыска самого темного из благородных домов. Пожалуйста, предоставьте мне текст, который нужно переработать. Я с радостью помогу сделать его более естественным и литературным, сохранив сюжет, героев, суть и стиль. Например, вы можете написать:"Его статус: перевод редактируется. Он сидел за столом, нервно теребя ручку. Ему нужно было срочно отправить текст, но редактор все никак не мог закончить свою работу. - Когда же, наконец, будет готово? - думал он, глядя на часы. "Я с удовольствием перепишу этот текст, сделав его более живым и выразительным.

http://tl.rulate.ru/book/109631/4094112